

Сергей Сергеевич Степанов

Секс глазами психолога

Сергей Сергеевич Степанов

Секс глазами психолога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3934955

Эксмо;

Аннотация

К сожалению, большинство сексологических руководств, которыми нынче переполнены книжные прилавки, не столько избавляют нас от иллюзий, сколько их усугубляют, потому что совершенно не учитывают психологический аспект сексуальности – не менее важный, чем физиологический. Верно подмечено, что главная эрогенная зона у человека – это голова. И когда в голове всё в порядке, любые сексуальные проблемы решаются легко и естественно, даря человеку ни с чем не сравнимое удовольствие. Ради этого и написана данная книга, позволяющая навести порядок в наших представлениях о природе сексуальности. Нет, это не руководство по соблазнению и не сборник инструкций по поведению в постели, а собрание психологических наблюдений над человеческим поведением в этой важной жизненной сфере – наблюдений, позволяющих лучше понять себя и других и на основе этого понимания построить по-настоящему полноценную жизнь, в том числе и сексуальную.

Содержание

От автора	4
Сексуальная революция свершилась. Ура, товарищи!	5
Влюбленный Фрейд	8
Рождение светила	11
Существует ли детская сексуальность?	14
Целомудренный Эдип	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Степанов

Секс глазами психолога

От автора

В жизни всех живых существ, и человек тут не исключение, секс занимает немаловажное место, сравнимое с питанием. Ученые провели немного жестокий, но показательный эксперимент. Голодное животное помещали перед пищевой приманкой. Добраться до пищи можно было только по металлическому мостику, по которому был пропущен электрический ток. Превозмогая боль, животное стремилось к пище и отступало лишь тогда, когда сила тока становилась очень велика. Когда же на месте приманки вместо пищи оказывался сексуальный партнер, животное готово было снести ток гораздо большей силы, лишь бы только удовлетворить эту потребность. Конечно, человек принципиально отличается от животных, но в этой сфере – признаемся, отличается не сильно! Секс для нас важен не менее, чем еда, а может быть и более.

В области кулинарии почти каждый из нас считает себя знатоком. А вот что касается сексуальности, то тут мы постоянно оказываемся в плену наивных иллюзий и предрассудков, из-за которых часто совершаем досадные ошибки отравляющие нам жизнь. К сожалению, большинство сексологических руководств, которыми нынче переполнены книжные прилавки, не столько избавляют нас от иллюзий, сколько их усугубляют, потому что совершенно не учитывают психологический аспект сексуальности – не менее важный, чем физиологический. Верно подмечено, что главная эrogenная зона у человека – это голова. И когда в голове всё в порядке, любые сексуальные проблемы решаются легко и естественно, даря человеку ни с чем не сравнимое удовольствие. Ради этого и написана данная книга, позволяющая навести порядок в наших представлениях о природе сексуальности. Нет, это не руководство по соблазнению и не сборник инструкций по поведению в постели, а собрание психологических наблюдений над человеческим поведением в этой важной жизненной сфере – наблюдений, позволяющих лучше понять себя и других и на основе этого понимания построить по-настоящему полноценную жизнь, в том числе и сексуальную.

Сексуальная революция свершилась. Ура, товарищи!

На заре перестройки в ходе советско-американского телемоста одна простодушная особа обронила фразу, над которой вот уже много лет потешается вся страна, – «У нас секса нет!» Потом эта дама еще не раз выступала в печати и в эфире, разъясняя свою наивную формулу: она, мол, имела в виду вовсе не естественные отношения полов, с которыми на самом деле всегда все было в порядке, а разнузданную проповедь разврата, чуждую советскому образу жизни. Зигмунд Фрейд, большой специалист по недомолвкам и оговоркам, наверняка нашел бы что сказать по этому поводу. Ведь, согласно его теории, неудачная или даже неверная формулировка может отражать действительное положение вещей. Особенно если речь идет о проблемах пола.

Впрочем, в ту пору Фрейда еще мало кто читал, а те, кто знал о нем понаслышке, считали его одним из главных буржуазных похабников. В обывательском сознании это мнение господствует по сей день. Первые публикации его работ после полувекового перерыва совпали с открытием первых стриптиз-шоу и появлением на прилавках ранее запретного «Плейбоя». Кстати, на обложке книжки-комикса «Фрейд для начинающих» ученый изображен именно с «Плейбоем» подмышкой (хотя первый номер скандального журнала увидел свет спустя много лет после его смерти). Именно Фрейда многие воинствующие моралисты винят в том, что секс в нашей стране все-таки появился – в том смысле, который вкладывала в это понятие наивная участница телемоста. Если бы и дальше держали под запретом эту «порнографию», то не скатился бы наш целомудренный народ до нынешнего разврата!

Предвзятость этого суждения очевидна каждому, кто не понаслышке знаком с работами Фрейда, а тем более с его биографией. В самом деле, Фрейд указывал на огромную роль сексуальных мотивов в поведении и мироощущении человека и, похоже, эту роль даже сильно преувеличил. Однако лишь крайне извращенный толкователь может отыскать в его трудах призывы к аморализму и половой распущенности. Дитя пуританской эпохи, Фрейд и в своих трудах, и в личной жизни был скорее аскетом, чем жизнелюбом. Да, он первым решился «назвать вещи своими именами», открыть современникам глаза (и при этом, по мнению многих специалистов, еще и многое присочинил, подчиняясь своим собственным комплексам и неутоленным фантазиям). И только в этом смысле его и можно было бы назвать отцом сексуальной революции. А доживи он до наших дней да загляни в Интернет, то наверное и сам пришел бы в оторопь. Вообще, любые попытки переделать человека или общество Фрейд считал занятием бесперспективным. В частности, к большевистскому опыту социального переустройства он относился крайне скептически.

Коли вести речь о сексуальной революции, то ее подлинным идеологом следует назвать вовсе не Фрейда, а одного из его последователей – австрийского коммуниста Вильгельма Райха. Именно Райху впервые пришла в голову идея совместить идеи Фрейда с теорией еще одного еврейского фантазера – Карла Маркса. Их обоих Райх считал величайшими мыслителями, каждый из которых внес неоценимый вклад в дело освобождения человечества. Правда, по его мнению, и Маркс и Фрейд подошли к этому важнейшему вопросу несколько односторонне. Маркс убедительно вскрыл природу эксплуататорского общества и обосновал необходимость и неизбежность социальной революции, освобождения угнетенных классов от экономической эксплуатации. А вот проблемам пола он внимания фактически не уделял, если не считать вызывающего тезиса об обобществлении жен (его толкование всегда приводило в смущение советских преподавателей марксизма). Со своей стороны, Фрейд вскрыл природу сексуального гнета, когда репрессивное общество с помощью искусствен-

ных норм и запретов подавляет человеческое естество. По Райху, освободить человечество – значит избавить его от гнета и того, и другого рода. То есть социальной революции должна сопутствовать и революция сексуальная (сам этот термин предложен именно Райхом).

Воплощая свою теорию в жизнь, Райх принялся за организацию просветительских клубов для рабочих (оно и понятно – не для буржуев же!). Кстати, Фрейд пролетариями брезговал ввиду их неплатежеспособности, обосновывая это тем, что бесплатную помощь люди не принимают всерьез, а потому она практически бесполезна.

Идеи, которые проповедовал Райх, с позиций сегодняшнего дня могут показаться банальными. Но для своего времени они были поистине революционны. Райх призвал: а) отказаться от ханжеского культа буржуазного брака, узаконить внебрачные связи, снять все ограничения для развода; б) легализовать аборт; в) свободно предоставлять противозачаточные средства всем, кто в них нуждается; г) способствовать искоренению венерических заболеваний и устранению сексуальных проблем путем широкого сексуального просвещения; д) вместо наказания за сексуальные правонарушения лечить лежащие в их основе расстройства, и т. д.

Теория Райха и его попытки воплотить ее в жизнь пришлось не по вкусу как его коллегам-психоаналитикам, так и товарищам по партии. Почти одновременно он был исключен из Психоаналитической ассоциации и из компартии. И все последующие годы проповедник сексуальной революции претерпевал сплошную череду гонений и лишений и в середине просвещенного XX века кончил жизнь в захолустной американской тюрьме.

Отчего же и марксисты и фрейдисты так ополчились на своего соратника? Все дело в том, что сама идея сексуальной революции абсолютна чужда и тем, и другим.

Вопреки обывательскому мнению, фрейдистский психоанализ – вовсе не апология сексуальности, но ее критика. Фрейд писал: «Психоанализ освобождает невротика от оков сексуальности», – имея при этом в виду отнюдь не сексуальное раскрепощение. Вся процедура психоанализа направлена на осознание глубинных комплексов с целью избавления от них. Бессознательные влечения, сексуальные по своей сути, должны быть преодолены, а их энергия – сублимирована, то есть направлена в полезное, приемлемое русло.

Со своей стороны, коммунистам идея освобождения сексуальности явно претила. Да, по революционному Петрограду некоторое время разгуливали совершенно голые сторонники движения «Долой стыд!», но длилось это недолго. Да, салонная мессалина Коллонтай оказалась приближена к большевистской верхушке и даже обнародовала свою теорию «стакана воды» (утоление половой потребности должно быть столь же простым и бесхитростным, как утоление жажды стаканом воды), однако сама, похоже, утолила свои сексуальные искания в браке с матросом, да и вождь мирового пролетариата ее теоретические изыски резко одернул. Авторитарному обществу свободная сексуальность оказалась противопоказана, ибо сексуальность по природе своей индивидуальна, а индивидуальность не подконтрольна. Так что участница телемоста погрешила против истины лишь в том, что выдала идеологическую установку за действительность.

Советская идеология в этой сфере, по существу дела, оставалась на протяжении десятилетий сугубо фрейдистской. Хотя упоминать о самом Фрейде и его идеях считалось дурным тоном, принцип сублимации половой энергии фактически был поднят на щит. Если почитать «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», написанные Ароном Залкиндом еще в начале двадцатых, становится понятно, отчего в нашей стране «не была секса». Сам Залкинд, в дореволюционные годы активно увлекавшийся фрейдизмом, впоследствии поспешно отошел от выходившего из моды учения и даже публично каялся в прошлых заблуждениях, однако фактически сохранил приверженность фрейдистской доктрине. Согласно его тезисам, утоление половых нужд не должно отвлекать революционный пролетариат от исполнения его исторической миссии, классовые интересы должны

преобладать. Соответственно должен осуществляться и половой подбор – исходя из принципов классовой, революционной целесообразности. Причем общество вправе даже вмешаться, если индивид допускает ошибку в своем выборе. Куда уж там Райху с его свободной любовью! Секс, по Залкиндю, допустим в умеренных (читай – весьма скромных) количествах в моногамном браке ради того, чтобы дать жизнь новым пахарям и воинам во имя мировой революции.

Так по Залкиндю мы и жили 70 лет. Запад встрепенулся раньше – в 60-х. Поколение молодых бунтарей Америки и Европы подняло на щит идеи Райха, воплощение которых в виде секс-шопов и иллюстрированной Кама Сутры докатилось до нас спустя четверть века. Нравится нам это или нет – сексуальная революция свершилась. Правда, до этого социальная революция, совершенная по марксистским заветам, пришла к своему закономерному краху. Понадобилось 70 лет, чтобы осознать: сколько ни пали из Авроры – кто был ничем, так ничем и останется. Еще с полвека, наверное, уйдет на осознание того простого факта, что человеческое счастье достигается не на уровне гениталий. Но об этом со знанием дела напишут уже наши внуки.

Влюбленный Фрейд

Писатель Юрий Поляков с присущим ему остроумием однажды заметил: “Лишь совсем недавно наши соотечественники узнали, что Фрейд – это не бранное слово, а имя великого ученого”. Впрочем, для большинства знакомство с Фрейдом этим и исчерпывается. Некоторые, правда, припомнят “что-то связанное с сексом”. И лишь немногие эрудиты скажут, что с именем Фрейда связан революционный переворот во взглядах на сексуальность. И будут безусловно правы. Ибо революционные идеи Фрейда коренным образом определили мировоззрение нашей эпохи.

Точности ради повторим, что идея сексуальной революции принадлежит не самому Фрейду, а одному из его учеников – австрийскому коммунисту Райху. Правда, сексуальный радикализм Райха равно пришелся не по душе как его товарищам по партии, так и коллегам-психологам: и те, и другие почти одновременно изгнали его из своих рядов. Но это было только начало гонений, итогом которым много лет спустя подвел американский суд, отправивший сексуального революционера за решетку, где тот и умер. Стоял, заметьте, 1957 год! В тех же краях примерно в ту же пору толпа ревнителей нравственности низвергла со здания министерства сельского хозяйства обнаженную статую – аллегория плодородия. Сексуальной революции еще только предстояло разразиться. И она, действительно, через несколько лет потрясла Старый и Новый Свет. О ее теоретике Райхе к тому времени почти все забыли, но имя его учителя продолжает звучать и поныне. Неудивительно, что когда волны сексуальной революции запоздало докатились до наших берегов, символом этого стало почти синхронное появление на прилавках ранее запретного “Плейбоя” и трудов Фрейда.

Полное собрание его сочинений составляет 24 тома, и наивно пытаться их пересказать. Предельно упрощая, идеи Фрейда можно сформулировать так. Сознание – это лишь поверхностный пласт человеческой психики. Корни нашего мироощущения и поведения лежат глубже и недоступны сознанию. В их основе – природное влечение к удовольствию. А поскольку сексуальное удовлетворение – это квинтэссенция удовольствия, то и влечения человека по сути своей сексуальны. Однако суровая общественная мораль ограничивает сексуальность. Вхождение человека в общество – это череда болезненных столкновений с запретами. Ушибы от этих столкновений всю жизнь болят в виде неосознаваемых комплексов и неврозов. И вся душевная жизнь – это сплошное противоречие природных влечений и навязанной извне самоцензуры.

Не вдаваясь в давний спор сторонников и противников Фрейда (и тех, и других всегда было немало: еще при жизни он удостоился мемориальной доски на родном доме и публичного сожжения своих трудов), попробуем взглянуть на проблему с иной стороны. Ибо верно замечено: человек – это то, что с ним происходит. Наши суждения и представления – результат нашего жизненного опыта. А какой же опыт стоит за плечами величайшего теоретика сексуальности? Разобравшись в этом, мы наверное многое поймем, в том числе – и про самих себя.

Зигмунд Фрейд родился в провинциальном городке на окраине Австро-Венгерской империи в 1856 году. Вскоре семья переехала в Вену, и в 1886 году Фрейд окончил Венский университет. Период его взросления и возмужания пришелся на эпоху, которую принято называть викторианской (по имени королевы Виктории, правившей в ту пору в Англии). А викторианская мораль по сути своей была категорически антисексуальна. Достаточно сказать, что существовал жесткий запрет на наготу, даже в интимных супружеских отношениях. Появление нагой натуры неохотно допускалось на живописном полотне, которое викторианский зритель рассматривал, как наш современник – фотографию лунного пейзажа, то есть как нечто такое, что, конечно, существует в действительности, но что едва ли когда

удастся увидеть своими глазами. В викторианской Англии даже было принято на ножки стульев надевать нечто наподобие юбочек во избежание ассоциаций с наготой женской ножки. Современное искусство нередко забывает о таких деталях. Так, в советской экранизации “Анны Карениной” режиссера А. Зархи Анна и Вронский в любовной сцене, пускай и намеком (цезура не дремала!), показаны обнаженными, хотя в ту эпоху подобная сцена была просто немыслима. Авторы английской экранизации “Женщины французского лейтенанта”, действие которой происходит как раз в викторианскую пору, более точны: герой и героиня предаются любви, одетые в ночные рубахи до пят. Теряя в выразительности, кадр выигрывает в достоверности. Сегодня это кажется невероятным, но в то время даже супруги могли за всю жизнь ни разу не увидеть друг друга обнаженными. Сегодня любой подросток знает, что зрительные образы сильно стимулируют эротические чувства. Каково же было викторианским супругам! Не говоря уже о том, что соприкосновение закутанных тел не очень-то возбуждает.

Вообще сексуальность викторианской моралью расценивалась как нечто низменное и постыдное. Удовольствие от секса считалось признаком испорченности, и ни одна порядочная женщина не могла себе позволить к этому стремиться. То, что все-таки можно было себе позволить (в современной сексологии это определяется как диапазон приемлемости), исчерпывалось удручающим минимумом при абсолютной недопустимости каких-либо вариаций поз и ласк. Новаторский для своего времени труд доктора Крафт-Эббинга (кстати, настольная книга Фрейда) мало того, что назывался “Сексуальная психопатия”, но и трактовал ряд проявлений сексуальности, ныне вполне приемлемых и практикуемых в каждой спальне, как грубые извращения. Можно себе представить, сколь скудный сексуальный рацион ожидал молодого Фрейда в супружестве. Судя по всему, только его он и получил.

Здесь уместно заметить, что Фрейд, умевший погружаться в самые интимные тайны людей и пытавшийся узнать о них даже больше, чем люди сами о себе знали, сделал все, чтобы его личная жизнь была окутана завесой тайны. Переписку, касающуюся интимных вопросов, он беспощадно уничтожал. То немногое, что сохранилось, покоится за семью печатями в своеобразном “спецхране” Библиотеки Конгресса США. Тем не менее, по некоторым высказываниям близко знавших его людей можно составить приблизительно представление о его личной жизни.

Однажды Фрейд обмолвился, что впервые влюбился в шестнадцатилетнем возрасте. Гизелла Флюсс надменно отвергла любовь будущего светила, чем, возможно, способствовала вытеснению его грешных мыслей в подсознание. Механизм вытеснения будет детально описан Фрейдом тридцать лет спустя.

Взаимности Фрейду удалось добиться лишь через десять лет. В 26-летнем возрасте он познакомился с Мартой Бернайс (ей был тогда 21 год), которая вскоре согласилась выйти за него замуж. Свадьба состоялась только через четыре года, поскольку мать невесты выдвинула категорическое требование: мужем Марты станет только человек, способный ее обеспечить.

За годы помолвки Зигмунд и Марта виделись редко. Однако, страстно желая близости, Фрейд буквально заваливал невесту письмами: их сохранилось около полутора тысяч. То есть ежедневно жених обращался мысленным взором к невесте. Эти письма, преисполненные трепетной нежности, доносят до нас томление духа молодого Фрейда. Нетрудно догадаться, что имело место и томление плоти. Утолить его Фрейду удалось лишь в тридцатилетнем возрасте.

По замечанию одного из биографов, “Фрейд обладал ненасытным сексуальным аппетитом”. За первые девять лет супружества у Марты и Зигмунда родилось шестеро детей. Но это, вероятно, и было основным итогом сексуальной активности. С рождением последнего ребенка совпала определенная потеря интереса к сексу. Не исключено, что причина кроется в

том, что отцу многочисленного семейства приходилось теперь больше задумываться о средствах предохранения, чем о плотских радостях.

В 1907 году в гости к Фрейду приехал его коллега Карл Густав Юнг с женой. Впоследствии он рассказывал: “Когда я прибыл в Вену со счастливой молодой женой, Фрейд пришел повидать нас в гостиницу и принес цветы для Эммы. Он старался быть очень предупредительным и в один из моментов сказал мне: “Я прошу прощения за то, что не могу проявить подлинного гостеприимства. У меня дома нет ничего, кроме старой жены”. Встреча со “старой женой” все-таки состоялась, и после нее Юнг отметил: “Было более чем очевидно, что отношения между Фрейдом и его женой носили весьма поверхностный характер”.

О том же еще более откровенно свидетельствует письмо самого Фрейда, датированное 1908 годом: “Семейная жизнь перестает давать те наслаждения, которые она обещала сначала. Все существующие сейчас противозачаточные средства снижают чувственные наслаждения”. За несколько лет до этого он писал своему близкому другу Вильгельму Флиссу: “Сексуального возбуждения для меня больше не существует”.

Однако Юнг также вспоминал, как в 1909 году они с Фрейдом отправились в США, чтобы прочитать там цикл публичных лекций. Американские женщины, судя по всему, произвели на Фрейда сильное впечатление, и он признался Юнгу, что видит эротические сны, в которых присутствуют симпатичные американки. “Отчего же не предпринять что-нибудь для решения этой проблемы?” – поинтересовался Юнг, никогда не отличавшийся приверженностью пуританским нравам. “Это невозможно! – возразил Фрейд. – Ведь я женат!”

Можно, правда, предположить, что жена однажды не смогла выступить препятствием. Речь идет о ее сестре Минне, долгое время гостившей в доме Фрейда. Характерна оценка самого Фрейда, который писал, что Минна очень похожа на него, что “оба они неуправляемые, страстные и не очень хорошие люди, в отличие от Марты, человека очень положительного”. Один из друзей Юнга рассказывал потом с его слов, что, когда Юнг гостил у Фрейда в Вене, Минна призналась ему, что Фрейд очень любит ее, и между ними существует любовная связь. Впрочем, обоим эта связь тяготила и пролилась недолго.

Из шестерых детей Фрейда развитию идей отца посвятила свою жизнь лишь дочь Анна, словно компенсируя свою сексуальную неостребованность. Кстати, другим ее увлечением было вязание, которое родоначальник фрейдизма считал символическим замещением полового акта.

Судя по этим разрозненным данным, личная жизнь отца сексуальной революции вполне соответствует теории, которую он выдвигал. “Сексуальная жизнь цивилизованного человека серьезно искалечена общественной моралью”, – писал он и собственной судьбой доказал правоту своих слов. А как знать, что мы сегодня понимали бы под фрейдизмом и существовал бы он вообще, будь фрау Марта немножко поласковее к своему ученому супругу?

Рождение светила

Ежегодно в начале мая психоаналитическое сообщество более или менее пышно (в зависимости от округлости даты) отмечает день рождения того, кто на долгие годы обеспечил это сообщество смыслом существования и куском сдобного хлеба, – Зигмунда Фрейда – психиатра, который научил добрую половину человечества втайне стыдиться любви к родителям и находить сексуальный подтекст в банальных оговорках. В XX веке учение Фрейда превратилось в один из столпов западной культуры. Правда, далеко не все перед этим учением благоговейно. Кое-кто даже утверждает, что оно относится не столько к сфере науки, сколько мифологии, что свои суждения о природе человека Фрейд по большей части выдумал. Наверное, это преувеличение. Трудно согласиться с тем, что теория Фрейда универсальна, то есть справедлива для всех и каждого. Но не подлежит сомнению, что встречаются люди, вполне отвечающие фрейдистским представлениям. По крайней мере, имя одного такого человека известно совершенно точно. Это Зигмунд Фрейд. Свою теорию психосексуального развития личности он отнюдь не выдумал, а в полном смысле слова выстрадал. Наверное, погорячился лишь в том, что распространил ее и на нас с вами. И это вполне соответствует открытому им феномену проекции: коли окружающие не лучше меня, а то и хуже, то мне – чего стыдиться?

Попробуем разобраться, так ли это. Ибо если справедливо, что индивидуальный жизненный опыт накладывает неизгладимый отпечаток на все мировоззрение человека, то понять это мировоззрение можно лишь с опорой на этот опыт. Что же пережил тот мальчик, который повзрослев сочинил на основе мифа об Эдипе миф об Эдиповом комплексе?

О детстве Фрейда достоверно известно немного – не больше, чем о детстве любого другого человека. Ведь это только если случится человеку стать знаменитым, сразу найдется толпа друзей дома и сотни три бывших одноклассников, которые насочиняют о его детстве ворох слащавых небылиц. Потом официальный биограф, отобранный по критерию безупречной лояльности, отфильтрует эти басни и отлакирует сухой остаток. Таким биографом после смерти Фрейда выступил один из его верных соратников Эрнст Джонс, с чьих слов в основном и известен жизненный путь основателя психоанализа. Однако при всем обилии фактов ценность такой парадной биографии невелика – слишком уж очевидно стремление автора приукрасить канонизированный образ. К тому же и сам мистер Джонс – слишком противоречивая, мягко скажем, фигура, чтобы с почтением относиться к его словам. Небезынтересный факт: Джонс, некоторое время работавший в детской больнице, был оттуда с позором уволен после многочисленных обвинений в сексуальных контактах с детьми; бежав от ареста в Канаду, он принялся практиковать там, но вскоре вынужден был откупаться от своей пациентки, дабы она не предавала огласке тот факт, что он ее совратил. Что ни говори, а доверия к его славословиям это не прибавляет – в трезвый взгляд и кристальную честность совратителя и педофила верится с трудом. Так что восстанавливая более или менее объективную картину ранних лет жизни Фрейда, приходится опираться на иные источники, в частности – обнародованные в самое недавнее время.

Затрудняет дело то, что сам человек о первых годах своей жизни не помнит почти ничего. Разумеется, отсутствует в памяти и сам акт появления на свет. (Попытки его “припомнить” под действием “кислоты” или надыхавшись до асфиксии и помрачения рассудка ничего, кроме иронии, у здравомыслящего человека не вызывают.) “Детская амнезия”, явление, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения, – это исчезновение воспоминаний практически обо всем, что происходило с человеком до 5–6 лет. Очень немногие взрослые могут вспомнить хотя бы столько моментов из раннего детства, сколько хватило бы на полчаса реальной жизни. Фрейда очень интересовала эта “странная загадка”, и он

пытался преодолеть собственную амнезию в надежде, что это поможет ему лучше разобраться в себе и вообще понять человеческую природу (в спорности вопроса – насколько второе выводимо из первого – он, похоже, не отдавал себе отчета). Самым многообещающим источником представлялись сны – если их должным образом истолковать. Сомнения в истинности фрейдистского толкования сновидений появились много позже – когда полученные “результаты” уже обрели характер догмы. Каковы же были те реальные факты, которые определили становление личности будущего ученого и его научного мировоззрения?

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в полседьмого вечера на втором этаже скромного домика на Шлоссергассе, 117, во Фрайберге, в Моравии (ныне г. Пршибор, Чехия). Семья, в которой он появился на свет, словно специально была создана как иллюстрация к психоаналитической доктрине. Его отец, Якоб Фрейд, был уже немолод (ему было за сорок) и имел двух взрослых сыновей от первого брака. Его первая жена умерла. По некоторым сведениям, достоверность которых спорна, Якоб вскоре женился второй раз на некоей Ребекке, но этот брак продлился недолго, и о судьбе Ребекки не известно ничего. Джонс в своей биографии о ней даже не упоминает, называя второй женой Якоба Фрейда Амалию Натансон. Вторая или третья, именно Амалия стала матерью Зигмунда. Она была более чем вдвое моложе своего мужа и души не чаяла в своем первенце, “золотом Зиги”. Взаимную нежную привязанность мать и сын пронесли через всю жизнь (Амалия Фрейд умерла в 1930 г. в возрасте 95 лет). Они еще могли себе это позволить. Ведь о существовании Эдипова комплекса еще долго никто не догадывался!

Самыми ранними воспоминаниями первенца Амалии были искры, летающие над узкой лестницей в доме кузнеца Заджика, где квартировала семья Фрейд. Восемь месяцев спустя после рождения Зигмунда Амалия снова забеременела, и в октябре 1857 года у нее родился второй сын, Юлиус. Зигмунд ревновал мать к нему, и смерть Юлиуса полгода спустя вызвала в нем раскаяние, которое постоянно проявлялось впоследствии в его снах. В этом отношении детство Фрейда было необычным: он утверждал, будто помнит о нем больше, чем большинство людей. Возможно ли это? Доказать справедливость этого утверждения невозможно, как и большинства догматов психоанализа. Так или иначе, в письме своему другу, доктору В.Флиссу от 1897 г. Фрейд признает наличие злобных желаний в отношении своего соперника Юлиуса и добавляет, что исполнение этих желаний в связи с его смертью возбудило упреки в собственный адрес – склонность, которая не покидала его с тех пор. В том же письме он рассказывает, как между двумя и двумя с половиной годами было возбуждено его либидо по отношению к матери, когда он однажды застал ее обнаженной.

Детская сексуальность занимает центральное место в теории Фрейда, и поэтому исследователи стремятся найти ее следы в его собственной биографии. Весьма вероятно, что он видел, как его родители занимаются сексом в их тесном жилище. Фрейд, впрочем, никогда не упоминал об этом, но как психоаналитик очень интересовался “первичной сценой” – фантазией, которую младенец выстраивает вокруг занятий взрослых в постели. По крайней мере именно этот сюжет всплыл в ходе психоанализа Сергея Панкеева (Человека с Волками). Интересна реакция на это самого Панкеева. Этот русский плебей жировал за границей на деньги своих родителей-помещиков и от праздности и пресыщенности терзался душевной смутой. Психоанализ Фрейда якобы вернул ему душевное равновесие. Дожил Панкеев до преклонных лет, но всю жизнь уклонялся от обсуждения этого эпизода своей биографии. Лишь в старости он дал интервью, которое разрешил опубликовать только после своей смерти. Вероятно, сказалась признательность к психоаналитическому сообществу, которое сделало из него культовую фигуру и почти в буквальном смысле долгие годы его подкармливало, после того как он был разорен революцией. Так вот, домыслы Фрейда сам Панкеев всегда считал совершенно безосновательными – хотя бы по той причине, что в доме его родителей (точнее – в многоквартирном особняке, так не похожем на каморку семьи Фрейд)

детская находилась в изрядном удалении от родительской спальни, и вряд ли полуторагодовалый мальчик решился бы проделать этот путь среди ночи. Не говоря уже о том, что, по признанию Панкеева, никакого душевного облегчения такой анализ ему не принес.

В биографии, написанной Джонсом, непосредственно фигурирует эпизод подглядывания маленького Зигмунда за родителями. Упоминается также, какой гнев это вызвало у Якоба. Легко понять, насколько был напуган малыш гневом отца, который только что совершал нечто непонятное и по всей вероятности насильственное над его любимой матерью. Так что впоследствии выдумывать пресловутый Эдипов комплекс ему не было никакой нужды. Уж по крайней мере в данном случае для возникновения этого комплекса имелись все основания.

В возрасте двух лет Зигмунд все еще мочился в постель, и строгий отец, а не снисходительная мать, ругал его за это. Именно из подобных переживаний в нем зародилось убеждение в том, что обычно отец представляет в глазах сына принципы отказа, ограничения, принуждения и авторитета; отец олицетворял принцип реальности, в то время как мать – принцип удовольствия. Джонс, тем не менее, настаивает, что Якоб Фрейд был “добрым, любящим и терпимым человеком”. А вот менее лояльные исследователи приходят к совсем иным выводам.

Голландский психолог П. Де Врийс, проанализировав около 300 писем Фрейда к Флиссу, пришла к выводу, что маленький Зигмунд весьма вероятно подвергался сексуальным посягательствам со стороны отца.

После смерти отца в 1896 г. Фрейд начал свой самоанализ. Он объяснял его необходимость тем, что сам себе диагностировал “невротическую истерию”, по причине которой часто страдал “истерическими головными болями”. В чем же виделась ему психогенная природа этой боли. В письме Флиссу от 8 февраля 1897 г. Фрейд описывает аналогичные симптомы у одной пациентки (?). Ощущение давления в висках и темени он связывал со “сценами, где с целью действий во рту фиксируется голова”. Характерно, что следующий абзац письма посвящен отцу, умершему несколько недель назад. В письме читаем буквально следующее: “К сожалению, мой отец был одним из извращенцев и стал причиной истерии моего брата и некоторых младших сестер”. Незадолго до этого, в письме от 11 января 1897 г. Фрейд четко сформулировал, что он понимает под словом “извращенец” – отец, который совершает сексуальные действия над своими детьми.

Ничего себе – семейка!

Разумеется, ревностные фрейдисты такую трактовку воспримут в штыки. Оно и понятно. Стоит аналитику усомниться в непорочности отца-основателя, и под вопросом оказываются не только долгие годы учебы (и затраченные на нее немалые средства), не только право “лечить” других (и получать за это солидное вознаграждение), но также важнейшие убеждения относительно себя самого, ядро личности психоаналитика. Вот только что это за ядро?..

Ныне вышел из моды термин “моральная дефективность”, а похоже – зря. По крайней мере в данном случае истоки этого явления кажутся достаточно ясными. И здоровым людям, выросшим в полноценных семьях, остается только пожалеть маленького невротика из Фрейбурга.

Существует ли детская сексуальность?

Сегодня уже никто не спорит, что секс в нашей стране все-таки есть. После долгих лет стыдливого замалчивания и последовавшего затем бурного всплеска откровенности отношение к этому предмету почти утратило нездоровый оттенок. Пожалуй, единственная тема, которая продолжает вызывать острую полемику, – это так называемая детская сексуальность.

Интерес ученых к этой теме возник на рубеже веков. Книга немецкого доктора Альберта Моля “Половая жизнь ребенка” произвела в те годы эффект разорвавшейся бомбы. Но подлинную революцию в этом вопросе ознаменовало создание Зигмундом Фрейдом теории детской сексуальности.

Идеи Фрейда получили во всем мире, а теперь и у нас, широкое распространение и, увы, поверхностную, не совсем верную трактовку. Благодаря ей ребенок предстает эдаким монстром, который с малых лет озабочен кровосмесительными фантазиями и эротическим играм. А такое понимание детской сексуальности далеко от истины.

Видный последователь Фрейда французский психоаналитик Пьер Дако подчеркивает: детскую сексуальность нельзя отождествлять с отпавлением половой функции, так как сама эта функция в детском организме еще не оформилась. Ребенок не может стремиться к половому удовлетворению, поскольку до этого просто не созрел. Поведение ребенка действительно с малых лет определяется его принадлежностью к своему полу и в этом смысле имеет половую окраску. Именно в таком значении следует говорить о детской сексуальности, а акцентирование эротических моментов было бы неоправданным преувеличением.

Но как же объяснить такие особенности детского поведения, как сексуальные интересы, эротические игры, наконец – онанизм?

Действительно большинство детей еще в дошкольном возрасте проявляют повышенный интерес к половой сфере, к проблеме деторождения и т. п. Впрочем, детям вообще свойственна повышенная любознательность – для них это средство познания окружающего мира. Их интересует буквально все, в том числе и “это”. То есть сексуальный интерес ребенка по сути составляет компонент общего познавательного интереса. “Куда садится солнце?”, “Почему дует ветер?”, “Откуда берутся дети?” – для ребенка это вопросы одного порядка. Обострение интереса к половой сфере действительно может иметь место. Но, как правило, оно бывает спровоцировано самими взрослыми. Ведь почти на любой вопрос родители спокойно отвечают, а вопросы, касающиеся пола, часто вызывают у них смущение, негодование, стремление уклониться от ответа. Не будем забывать, что теория Фрейда сложилась в эпоху пуританских нравов, когда “нездоровый” детский интерес принято было строго пресекать. Сегодня, когда существует даже детская энциклопедия сексуальности, многие родители легко находят на любые детские вопросы вполне приемлемые ответы. И, как выясняется, детский интерес, будучи адекватно удовлетворен, не приобретает нездоровой окраски и часто вообще сходит на нет.

Значит, следует говорить ребенку правду? Да, следует. И пусть это никому не покажется странным, противоестественным, неуместным. На детские вопросы необходимо отвечать. Главное – как. Ответы типа “Мал еще...” проблему не решают, а наоборот усугубляют. Попытки перевести разговор на другую тему – вариант в принципе подходящий, но трудно осуществимый; ребенка такой прием едва ли устроит, и он скорее всего вернется к своему вопросу. Байки про аиста, капусту и покупку детей в магазине могут на короткое время разрядить ситуацию. Однако вскоре ребенок так или иначе узнает, что был неуклюже обманут, и это надолго подорвет его доверие к родителям как к источнику достоверной информации. Суть в том, чтобы, говоря ребенку правду, донести ее не всю, а ту часть, которую он в меру

своего разума способен адекватно воспринять. Конечно, и выражения при этом должны быть доступные ребенку.

В информировании детей по вопросам пола важно не “перегнуть палку”, не торопиться донести до малыша сведения, его еще не касающиеся и не интересующие. Информация, трудно доступная пониманию, может породить совершенно ненужные размышления и фантазии, а может и травмировать ребенка. Соответствующие вопросы он сам задаст рано или поздно. В большинстве случаев, по мнению родителей, – даже слишком рано, но тут, однако, никогда не бывает «слишком» – если интерес появился, он требует удовлетворения. И он не должен заставить родителей врасплох, подходящие ответы надо заранее продумать или отыскать в научно-популярной литературе. А вот насколько полезна такая литература самому ребенку, даже если ему она и адресована, – вопрос спорный. По крайней мере, прежде чем усесться читать с сыном или дочерью новомодную энциклопедию, родителям следует сначала самим с ней ознакомиться и решить, отвечает ли она их моральным представлениям, да и уровню развития их чада.

Детский познавательный интерес лежит и в основе так называемых эротических игр. Не секрет, что многие дошкольники удовлетворяют свой интерес к строению человеческого тела, играя в “докторов”, в “папу и маму” и т. п. Внешне такие игры действительно производят впечатление сексуальных манипуляций: тут и обнажение, и интимные прикосновения, и т. п. Но и в этой ситуации негодование взрослых едва ли уместно. Удовлетворение интереса наступает быстро, и подобные игры сами собой сходят на нет. Если же детей за этот “разврат” стыдить и наказывать, то в результате можно получить тот самый нездоровый акцент, который пугает взрослых. Гнев родителей может лишь подогреть интерес, уже почти удовлетворенный и исчерпанный. Поэтому преследовать такие игры не стоит, в привычку они наверняка не войдут. Взрослым надо лишь занять детей чем-то не менее интересным. И уж, разумеется, недопустимы акценты на сексуальной стороне ситуации. Кстати характерно, что если в семье есть дети разного пола, не сильно различающиеся по возрасту, и они имеют возможность увидеть друг друга обнаженными в будничной бытовой обстановке, то их подобные игры вообще ничуть не увлекают.

Что касается мастурбации, то о сексуальной окраске этого явления речь можно вести лишь начиная с подросткового возраста, то есть по мере приближения к половой зрелости. (Некоторые авторы употребляют более привычный термин «онанизм», однако он относится лишь к мальчикам, а привычка стимулировать свои половые органы встречается и у девочек; для обоих полов это явление обозначается как мастурбация). Если «нездоровая страсть» появляется в более раннем возрасте, но в этих случаях она имеет характер навязчивой привычки наподобие сосания пальца или грызения ногтей. Эта привычка может иметь невротическую природу, тем более если строго преследуется взрослыми. Чаще всего она наблюдается у тех детей, кто с младенчества воспитывался жестко, строго, чрезмерно требовательно, либо у тех, кто испытал явный дефицит внимания со стороны родителей. Такие дети подолгу оставались одни в постели, их редко брали на руки и не укачивали, если они плохо засыпали. Рано отлученные от материнской груди, они не нашли удовлетворения и в соске, которую тоже вскоре отобрали.

В условиях недостатка ласки и впечатлений ребенок, предоставленный самому себе, испытывает скуку или страх и ищет успокоение и отвлечение в немногих доступных ему действиях: манипулирует частями своего тела, сосет палец или губу, теребит волосы, ухо, нос, наконец – половые органы. Вначале он прибегает к подобным действиям потому, что отсутствует мать. Когда же обеспокоенная мать появляется рядом и спешит отвлечь его от навязчивых занятий, она уже не привлекает его внимания: он занят сам собой. Так происходит перестройка всей жизненной ориентации малыша. Изначально он стремится к притоку внешних впечатлений и положительных эмоций. Если мать рядом, она удовлетворяет

эту потребность. Если же ее нет рядом, то развитие ребенка не просто затормаживается, а как бы возвращается во внутриутробный период. Ребенок сам себя утешает и успокаивает, источник впечатлений также ищет в самом себе. Дурная привычка становится необходимым ритуалом самоуспокоения, отвлечения от страхов и беспокойства, компенсацией недостатка общения.

Нежные прикосновения материнских рук, поцелуи как бы предусмотрены природой в сложных механизмах созревания ребенка. Самостимуляция в виде сосания пальцев, губ, в том числе и мастурбации возникает как эквивалент естественной стимуляции у тех детей, которым недостает прикосновения любящих рук. Такая самостимуляция может перерасти в привычку и растянуться на долгие годы.

Если привычка сформировалась, родители должны бороться с нею, с привычкой, а не с ребенком. Прямолинейная настойчивость при этом только раздражает малыша и провоцирует конфликты. Наказания и запугивания могут привести к исчезновению внешних симптомов. Однако за подобным «излечением» всегда лежит тяжелое потрясение, так что психологические последствия принятых мер могут оказаться тяжелее устраненной привычки.

Избавление от мастурбации требует времени едва ли не большего, чем то, которое ушло на ее становление. В основе возникновения такой привычки лежит недостаток внимания к ребенку, и для ее устранения этот недостаток необходимо терпеливо восполнять. Увлекая ребенка интересными занятиями, общаясь с ним, родители помогают ему изжить те глубинные внутренние переживания, которые породили неприятные действия. Борьба с мастурбацией – это всегда борьба с тревожностью, неуверенностью, пессимизмом, но уж никак не с «порочными наклонностями».

Обобщая сказанное, можно с уверенностью утверждать, что если так называемая детская сексуальность не будет подстегнута неосмотрительным поведением родителей, то данная проблема сама по себе не возникнет, ибо не имеет в детском возрасте абсолютно никаких внутренних природных источников.

Воспитание, безусловно, не должно быть “бесполом”. То есть детей с малых лет следует воспитывать как мальчиков или как девочек, будущих мужчин и женщин. Но именно будущих, не торопясь приписывать им то, до чего им еще предстоит дозреть.

Целомудренный Эдип

Еще совсем недавно авторы популярных книг и брошюр сетовали на психологическую неграмотность родителей, которая порождает ошибки и затруднения в воспитании детей. В последние годы положение стало меняться, и сегодня мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией, которая, однако, тоже по-своему настораживает. Среди родителей все больше становится таких, кто следит за психологической литературой, особое внимание уделяя ранее недоступным источникам. Наспех ознакомившись с входящими в моду теориями, методами и понятиями, иные родители торопятся примерить их на своего ребенка и делает при этом поспешные, неточные, а порой и недопустимые выводы.

Среди психологов особенно «повезло» Зигмунду Фрейду, имя которого долгие годы находилось у нас под полуофициальным запретом и чьи труды в последние несколько лет лавиной выплеснулись на книжные прилавки. Одно из центральных понятий фрейдизма – Эдипов комплекс – сегодня знакомо (по крайней мере на слух) очень многим. И немало родителей стараются разобраться, есть ли злосчастный комплекс у их ребенка и как с ним бороться.

Для начала разберемся, кто такой Эдип. Согласно древнегреческому мифу, так звали мальчика, который родился в семье фиванского царя Лая. Еще до рождения ребенка оракулы предрекли Лаю, что тот погибнет от руки собственного сына. Поэтому по приказу отца слуги унесли младенца из дворца и бросили его на верную смерть в пустынной местности. Ребенок, однако, не погиб, а был подобран и воспитан совершенно чужими людьми, которых до поры считал своими родителями. Повзрослевшему Эдипу каким-то образом открылось касавшееся его пророчество, и он в испуге покинул дом, не желая, чтобы оно сбылось. Судьба (по мнению древних греков, неумолимая и всесильная) столкнула его на дороге с незнакомцем – Лаем, которого он и убил в результате завязавшейся ссоры. Позднее неподалеку от города Фивы ему удалось совершить чудесный подвиг и уничтожить чудовище, наводившее ужас на горожан. Восторженные фиванцы провозгласили Эдипа царем, и по заведенной традиции он женился на вдове Лая, не подозревая, что его родная мать. История на этом не закончилась и имела немало печальных последствий, что, однако, для нас уже не так важно.

Миф об Эдипе получил неожиданную трактовку в трудах Фрейда. Для Фрейда центральной движущей силой поведения человека выступали глубинные неосознанные влечения, сексуальные по своей природе. Поскольку такие влечения считаются недопустимыми, для них не находится места в сознании и они «вытесняются» оттуда в сферу бессознательной психики, продолжая тем не менее влиять на мироощущение и поведение человека. Фрейд считал, что у мальчиков формируется комплекс Эдипа в результате вытеснения в раннем детстве влечения к матери и соответственно враждебности к отцу как к сопернику. Девочкам свойственен аналогичный комплекс Электры (по имени героини еще одного мифа); это совокупность враждебных чувств к матери, которые обусловлены ревностью к сопернице, мешающей безраздельно владеть отцом.

Важным понятием в фрейдистской схеме выступает так называемая «первичная сцена», когда ребенок в совсем еще нежном возрасте в той или иной форме впервые сталкивается с фактом интимной близости родителей. По мнению Фрейда, «первичная сцена» имеет место в жизни каждого человека, причем производит настолько ужасающее, травмирующее впечатление, что поспешно вытесняется из сознания в глубины бессознательной психики.

Но для понимания взаимоотношений родителей и ребенка наиболее существенно даже не это. Согласно фрейдистской доктрине, детско-родительские отношения изначально

амбивалентны, окрашены противоречивыми чувствами, причем мать и отец выступают для ребенка в совершенно разных ролях, и сам ребенок матерью и отцом воспринимается совершенно по-разному. Поскольку речь в данном случае идет не просто о психическом, а о психо-сексуальном развитии, то и эти отношения следует рассматривать едва ли не в эротическом ключе (впрочем, если быть верным духу и букве первоисточника, то почему – едва ли?) Это соответственно накладывает отпечаток на роль сына или дочери как представителей разных полов.

Для мальчика мать изначально выступает первым и главным либидозным объектом, все его последующие отношения с противоположным полом будут неявно реализовывать те сексуальные влечения, которые впервые возникли по отношению к матери. И для матери сын является воплощением идеала мужчины, которому не в состоянии соответствовать ни один реальный муж, в том числе ее собственный. Именно поэтому впоследствии любая невестка будет ею встречена с тайной, деликатно скрываемой (даже от самой себя), а чаще – совершенно откровенной и явной неприязнью. Тандем мать-сын представляет собой тесный эмоциональный союз, эротическая форма которого жестко табуирована социумом и потому надежно вытеснена из сознания обоих.

(Замечательной иллюстрацией к житейскому восприятию этого извращенного сюжета служит американская комедия «Анализируй это». В ней криминальный авторитет обращается за помощью к психоаналитику. После вскрытия соответствующих эдипальных мотивов, он с негодованием вопрошает: «Ты че, братан, имеешь в виду, что я хотел ... свою маму?» Напуганный аналитик робко оправдывается: «Это не я, это Фрейд». «Козел он, твой Фрейд!» – следует бесхитростный ответ. Правда, впоследствии мафиозо упрекает аналитика: «Что ты со мной сделал? Я же теперь маме позвонить стесняюсь!» Вообще, фильм великолепный – психолог в нем увидит намного больше обычного зрителя.)

Соответственно, отец выступает разрушителем этого тандема и потому воспринимается сыном как нежелательный соперник. Отношения с ним всю жизнь будут окрашены скрытой враждебностью и глубоко вытесненным страхом, борьбой за недопущение в сознание древнего мотива отцеубийства. Только смерть отца окончательно освобождает мужчину от инфантильного комплекса, хотя и это событие воспринимается амбивалентно – это и ликование в связи с избавлением от грозного соперника, и неизбежное чувство вины, связанное с социально табуированными агрессивными импульсами.

Для девочки эта ситуация отражается зеркально: отец – либидозный объект и мать – соперница. Соответственно, имеет место эмоциональный тандем отец-дочь, который, если верить фрейдистам, чуть ли не в каждой семье выливается в прямой инцест. И для матери взрослеющая дочь служит постоянным напоминанием о ее собственном женском увядании, и потому их отношения окрашены скрытой враждебностью. Впрочем, будущему зятю, как и невестке, не позавидуешь. На него теща станет бессознательно проецировать неудовлетворенность отношениями с противоположным полом, которую небезопасно направлять на собственного мужа. Ну а для тестя зять будет неявно выступать «обидчиком» дочери.

Разумеется, конкретный «расклад» в каждой семье не исчерпывается этим описанием, однако в целом, согласно фрейдистскому подходу, основные (причем универсальные) тенденции именно таковы. Для аргументации этой теории приводятся конкретные жизненные примеры, которые весьма убедительны и кажутся бесспорными. Наблюдая ту или иную семью, легко может подметить в ней хотя бы некоторые черты описанного «расклада», что многих заставляет хотя бы частично солидаризироваться с фрейдистской доктриной.

Впрочем, надо отметить, что многие специалисты не согласны с Фрейдом. Еще в 1920-е годы английский антрополог Бронислав Малиновский (в ту пору ревностный фрейдист), изучая культуру примитивных обществ на островах Новой Гвинеи столкнулся в весьма специфическими проявлениями Эдипова комплекса. Начать с того, что для местных аборигенов,

в отличие от западной культуры, половые отношения представляются настолько органичными и естественными, что их и не принято особо скрывать. Существует, правда, институт моногамного брака, то есть социально приемлемыми считаются только половые отношения мужа и жены, однако они в буквальном смысле не скрыты никакими покровами, в том числе и от их собственных детей. «Первичная сцена» в данном случае выступает как обыденное явление, то есть совершенно утрачивает травматическую окраску. (Небезынтересно, что культурные запреты в этом обществе касаются совсем другой сферы – питания. Есть принято в одиночку или в кругу близких; быть застигнутым посторонними за этим «интимным» занятием считается крайне неприличным.)

Специфическое явление данной культуры – особая роль отца, которая фактически сводится лишь к зачатию ребенка. Согласно принятым традициям, в воспитании собственных детей отец никакого участия не принимает. Он, конечно, с ними общается, но совершенно «на равных». Реально отцовскую роль исполняет дядя – родной брат матери, который, разумеется, никаких интимных отношений с нею не имеет. Наблюдается экзотическое распределение ролей: отец живет половой жизнью с матерью, причем фактически на глазах у детей, а воспитывает детей другой мужчина.

И в этой необычной ситуации Малиновскому удалось наблюдать нечто подобное Эдипову комплексу. Привязанность сыновей к матери в самом деле имела место, а вот тщательно подавляемая неприязнь адресовалась вовсе не ее половому партнеру – отцу, а дяде! Настороженность, враждебность, порой переходящая в агрессию (но при этом, повторим, глубоко укрытая в подсознании) адресовалась носителю определенной – директивной – социальной роли, тому, кто был вправе приказать, вынести строгую оценку и даже наказать. А вот какая бы то ни было сексуальная подоплека этого явления совершенно не просматривалась. Так может быть, ее и нету вовсе?!

Иного, отличного от фрейдистского подхода к детско-родительским отношениям придерживается Эрих Фромм, которому также не откажешь в проницательности. (Его концепция менее известна, чем фрейдистская, но также весьма популярна.) Анализируя разные формы любви, Фромм приходит к выводу о существовании двух типов родительской любви к детям – любви материнской и отцовской. Отцовская любовь более взыскательна и справедлива: ребенка любят за его достоинства и заслуги – не больше, но и не меньше. Материнская любовь безусловна, ей чужда объективность. Мать любит ребенка только за то, что он у нее есть, независимо от того, красив он или некрасив, сообразителен или бестолков... *(Невольно вспоминается еще один блестящий фильм – «Форест Гамп». Одна из его сюжетных линий – трогательная любовь одинокой матери к умственно отсталому сыну-инвалиду. Ее постоянное назидание: «Запомни, Форест, – ты ничем не хуже других!» Кстати, еще один сюжетный поворот связан с инцестом – поклон доктору Фрейду!)* Разумеется, формула Фромма относится скорее к идеальным типам, реальное родительское поведение располагается в некотором промежутке между ними.

По мнению Фромма, с которым трудно не согласиться, любой человек для нормального развития нуждается и в материнской, и в отцовской любви. Любой крен в сторону одного типа любви – материнской или отцовской – ведет к искажению мироощущения и нарушениям поведения. В самом деле, каждому из нас жизненно необходимо, чтобы хоть кто-то любил нас просто так, ни за что, такими, какие мы есть. Но, с другой стороны, если никто не укажет мне на мою слабость и не поощрит за реальные достижения, то как же мне узнать себе цену? Необходимо получать «позитивное подкрепление» за какие-то достоинства и успехи, иначе могу ли я быть уверен, что они у меня есть?

С этим подходом отчасти перекликается концепция стилей семейного воспитания, многократно воспроизведенная в разных источниках без указания авторства, а реально восходящая к идеям Альфреда Адлера (который, кстати, порвал с Фрейдом из-за несогласия с

его апологией сексуальности). В разных работах под разными названиями фактически выделяются три основных стиля семейного воспитания, которые можно определить как авторитарный, либерально-попустительский и демократичный. С известными оговорками, отцовский тип родительской любви можно соотнести с авторитарным типом воспитания – в том и другом случае имеет место обусловливание любви исполнением родительских ожиданий и требований, то есть ребенок хорош, если он «хорошо себя ведет». Материнский тип любви условно можно связать с либерально-попустительским стилем – как бы ребенок себя ни вел, он все равно хорош. Понятно, что идеалом выступает «золотая середина» – демократичный стиль, чуждый полярных крайностей.

Данная концепция, хотя она, как и любое обобщение, требует уточнения в конкретных случаях, легко подтверждается многочисленными жизненными примерами. Проанализировав конкретную ситуацию, можно установить, к какому воспитательному стилю тяготеет та или иная семья.

Использование любого из этих подходов, каждый из которых, безусловно, содержит рациональное зерно, позволяет кое-что понять в специфике того или иного конкретного случая социализации с его проблемами и «заусенцами». Беда в том, что ни один подход, по своему уязвимый для критики, не позволяет исчерпывающе проанализировать конкретный случай, неизбежно сужает рамки психологического анализа (не путать с психоанализом!). А что если попробовать, опираясь на бесспорные аспекты каждого подхода, найти их перекличку и взаимосочетание, с тем чтобы найти новый подход – пускай тоже не исчерпывающий, но по крайней мере более продуктивный?

К.Г. Юнг (которому сексуальная акцентуация Фрейда претила настолько, что и он с ним разошелся) поучал своих последователей: «Внимательно изучайте теории, но при столкновении с конкретным человеком отбрасывайте их все, потому что ему необходима своя теория». Но такая индивидуальная теория может сложиться только на основе изученных и отброшенных, другого материала для нее нет. Попробуем же с опорой на классические теории, а также на собственный житейский опыт продвинуться чуть дальше в понимании механизмов семейной социализации.

Помню, несколько лет назад, пытаюсь уладить очередную ссору сына и дочери (антагонизм брата и сестры – явление столь же обыденное, сколь и мало изученное, еще одна неисчерпаемая тема для психологических изысканий), я столкнулся с провокационным вопросом, который бесхитростно задал мне маленький сын: «Скажи, папа, кого ты больше любишь – меня или Лизу?» Тогда мне показалось, что я нашел очень удачный ответ: «А ты, сынок, какую свою руку больше любишь – правую или левую?» Ответ оказался отнюдь не самым удачным, ибо мой левша быстро нашелся: «Честно говоря, левую, ведь я все ей делаю». Пришлось импровизировать дальше: «Ну, а какая рука сильнее болит, если ее поранить?» Судя по возникшему замешательству, морализаторский эффект был наконец достигнут. Но в моей собственной душе этот диалог породил противоречивые чувства, ибо высветил внешне не очевидный факт – при том что за обоих «душа болит» одинаково, отношение все-таки разное. И впоследствии мне довелось столкнуться со множеством примеров, когда самые разные люди (как с родительской, так и с детской позиции) подтверждали: отношение отца (и матери) к своим детям не одинаково, более того – похоже, подчиняется определенной закономерности, которая в свою очередь сильно напоминает фрейдистскую конструкцию. Иными словами, вопрос: «Кого ты больше любишь?» – однозначного ответа не имеет, однако и отец, и мать любят сына и дочь по-разному.

В семье, где растут мальчик и девочка, отношение мамы к дочери отличается большей взыскательностью, тогда как отношение отца скорее покровительственное и либеральное. В отношении сына имеет место зеркальная противоположность – отец к нему более требователен, мать – снисходительна. То есть, в терминах Фромма, отец демонстрирует «отцовскую»

любовь прежде всего к сыну, к дочери – скорее материнскую, мать – наоборот. Для этого явления, подтверждаемого множеством примеров, у любого психоаналитика уже готово объяснение (см. выше), которое, однако, морально здоровому человеку просто претит. То есть, похоже, явление действительно имеет место. В некоторых случаях – безусловно, патологических – оно наверное полностью покрывается фрейдистской трактовкой. В остальных трактовка, вероятно, должна быть иной. И для нее нет никакой нужды привлекать понятия извращенной сексуальности. Достаточно проанализировать эту ситуацию в терминах социальных ролей.

Мать сама была девочкой. Она знает, что значит быть хорошей девочкой (хотя сама едва ли была ею на 100 %). Поэтому ее восприятие дочери более окрашено личным пристрастием. В восприятии сына она опирается на абстрактное представление о хорошем мальчике, то есть на представление, лично не прочувствованное, не пережитое. Поэтому ее отношение к сыну в известном смысле более нейтрально (насколько это слово вообще применимо к материнским чувствам). То же касается и отца, только наоборот.

К тому же, не отдавая себе в том отчета или даже отрекаясь от этого, любой отец видит в сыне непосредственное продолжение себя самого; сыну надлежит преодолеть отцовские слабости, избежать отцовских ошибок, приумножить отцовские достижения. Естественно, в отношении дочери такая проекция затруднительна, если вообще возможна. На нее эти чувства проецирует мать.

Объяснение, похоже, вполне исчерпывающее и не требующее привлечения никаких эротических мотивов.

Не будем, однако, забывать, что большинство современных семей, особенно городских, составляют семьи однодетные, и для них означенный механизм имеет свою специфику. В семье, где растет единственная дочь, отцу в отсутствие сына волей-неволей приходится проецировать свои установки на нее (хотя отдать себе в этом отчет еще труднее, чем в случае с сыном). В результате в такой семье начинает преобладать отцовский тип любви, причем со стороны обоих родителей. Это легко может вылиться в авторитарный стиль воспитания, по крайней мере для единственной дочери вероятность этого наиболее высока. Для единственного сына в современных условиях, когда многие отцы фактически устранились от дела воспитания, выше вероятность столкнуться с либерально-попустительским стилем.

Там же, где в семье подрастают и сын и дочь, оба они, каждый по-своему, вероятно испытывают на себе противоречивый стиль воспитания, неодинаковое отношение со стороны родителей. В норме в этом нет ничего дурного, ибо, возвращаясь к идее Фромма, человеку для личностного роста необходимо отношение того и другого рода. Если родительские позиции не заострены до крайности, их сочетание и дает тот вектор, который и обеспечивает полноценное развитие.

В случае же однополых детей, вероятно, начинает действовать другая закономерность. Отношение к ним также не одинаково, как бы родители это ни отрицали. Но явное или неявное предпочтение одного перед другим определяется с отцовской позиции очевидным реальным превосходством достоинств и достижений, а вот с материнской, наверное, даже наоборот – более тесная привязанность возникает к более слабому, достойному большего сочувствия. Впрочем, эта конструкция скорей гипотетическая, и кто-то еще заслужит ученую степень на ее опытной проверке.

Нелишне в этой связи упомянуть о таком, увы, широко ныне распространенном типе семьи, как семья неполная, где ребенок воспитывается одной матерью (отец-одиночка – явление столь редкое и экзотическая, что при широком обобщении может даже не приниматься во внимание, хотя частных исследований, конечно, заслуживает). Очень часто в этой ситуации мать вольно или невольно стремится восполнить для ребенка отсутствие отца попыткой совмещения органично присущей ей материнской роли и роли отцовской.

Не говоря уже о том, что для одного человека это задача крайне трудная, почти непосильная, даже попытка ее решения в итоге оборачивается противоречивым стилем воспитания, в котором директивные нотки перемежаются умилением. А поскольку такая перемена трудно предсказуема (по крайней мере, от самого ребенка мало зависит), это чревато для растущего человека трудностями в самоопределении и формировании адекватной самооценки. Следует также лишний раз отметить, что такая ситуация может внешне походить на описанные Фрейдом комплексы, однако при непредвзятом рассмотрении оказывается вполне объяснима без всякой сексуальной подоплеки.

Все означенные тенденции приобретают особую роль в подростковом возрасте, определяя специфику протекания так называемого пубертатного кризиса. Ребенок, растущий в атмосфере преобладающей «материнской» любви и либерального стиля воспитания, оказывается в затруднении на этом серьезном этапе личностного самоопределения. Ему недостает объективной, взыскательной оценки его качеств, его успехов на пути взросления. Более того, семья, тяготеющая к «материнскому» стилю, невольно стремится воспрепятствовать взрослению, так как ее привычный подход к зрелой личности плохо применим. В результате нередки экстремальные, извращенные формы самоутверждения, словно призванные компенсировать аморфность семейной среды. Однако, в отдаленном итоге, такой семье фактически удается добиться своего (хотя никто и не признает, будто такая цель ставится): ребенок, переболев «детской болезнью» пубертатного бунтарства, так и не взрослеет по-настоящему – не имел возможности усвоить, перенять извне механизмы волевой саморегуляции, он на долгие годы, порой на всю жизнь остается инфантильно беспомощным, заслуживающим лишь либерального отношения, но не выдерживающим никакого другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.